

Г Р О Х А Л О

Из воспоминаний Антона Амнуэля

«Буревестником» назвал впервые Горького Филиппов, редактор известного тогда журнала. Об этом в марте 1901 года Максиму Горькому писал Леонид Андреев в письме, посланном через газету «Нижегородский Листок». Письмо не дошло до Горького: его перехватил департамент полиции. Прозвище же «Буревестник» стало крылатым. Однако раньше, чем получить его, Максим Горький крещен был и другими, прилипавшими к нему тоже очень крепко. Давать прозвище Горькому не трудно: очень уж он ярък, колоритен. И вот, например, в Казани в 1887 году в своем кружке звали его тоже очень метко: Грохало, — за не совсем складную фигуру и за грохочущий басовый голос. И тогда уже, девятнадцатилетним парнем, пытался он грохотать о грядущей «буре». И за это, конечно, удостоивался сугубого внимания властей. Отсюда и получилось, что с 1887 года по 1917 г., т. е. целые тридцать лет, состоял под надзором полиции наш великий писатель.

Из Казани, как известно, Горький переехал в Нижний.

Уже будучи широко известным писателем. Горький долго жил в Нижнем-Новгороде на Канатной улице, в доме Лемке, недалеко от церкви трех святителей. В этом доме до него жил и Короленко. Пыльная Канатная улица, без мостовой, с низенькими домиками обывателей, с бледно-зелеными запыленными садами, с широким полем и полосой Марьиной рожи в конце—видела Горького еще мальчуганом. Дом Лемке—самый большой и новый двухэтажный, желтый, с широкими балконами. На балконе Горького можно было видеть часто. Он был тогда молод, длинноволос, ходил в русской, вышитой рубашке,—в ней поднимался он и на вершины литературы. Именем Горького назывались поезда, папиросы и т. д. Это было самое модное имя.

Как же он сам относился к своему под'ему?

Он дружил с моей матерью, в свое время не мало помогавшей ему. И вот, когда впервые издательство заплатило ему тысячу рублей за книжку рассказов, он пришел поделиться с ней... пожалуй еще больше своим удивлением, чем радостью.

— Дали вот... тысячу, чорт подери... Его голос крепко гудел. Я помню: он стоял перед ней, широко расставив ноги, и смотрел на свою ладонь, точно на ней лежали деньги. «Дали. За что?». Вы рады?»—спросила мать. Я рад, пожалуй. Я теперь... Мы знаем, куда шли те громадные деньги, которые он потом получал. Но мало кто знает, что множество бедных студентов и людей, нуждавшихся в помощи, широко получало ее от него.

Летним вечером к дому Лемке, на Канатной, пахнувшей провинциальными запахами пыли и зелени, нагретой солнцем и теперь остывающей, тянулась молодежь. Зачем? Во-первых, всегда приятно было лишний раз случайно хоть увидеть любимого писателя; может, выйдет с сыном Максимкой на балкон?—Во-вторых, в этом доме собиралось много тогда интересных людей: Елпатьевский, Скиталец, Чириков и пел Шаляпин, служивший в театре Фигнера на широкошумной Маркарьевской, гремевшей за Окой. Стояли по часу, по два... Потом из открытых окон вылетал удивительный бас, растекался над тихой улицей и она отвечала ему горячими аплодисментами молодежи.

На Канатной было положено основание большому и культурному делу. При ближайшем участии Горького были собраны деньги на постройку Народного дома. Это было в сезон 1903—4 года. Построили большой и дешевый (от 5 к. до 1 р. место) театр, а играла в нем молодежь, первые ученики Станиславского: Народный дом был точным сколком Московского Художественного театра. С каким вниманием, как радостно встречали Горького актеры, когда он приходил в театр. Слушали. Советывались. Театр «заработал» за сезон что-то тысяч пятнадцать убытка, но зато никогда ни до, ни после не видали нижегородцы такого. О нем и теперь вспоминают тепло.

И еще одно воспоминание о Горьком. В тюрьме. В старом, теперь упраздненном «остроге». Бывало мы, молодежь, разбузимся в камере, и старый, степенный надзиратель Ноги, исчерпав все средства, совестит нас Горьким:

— Стыдно вам... Вот, бывало, в башне господин Горьков сидел—не вам чета: писатель... а все вежливо и деликатно и никакого шума. А ведь, покрепче вас государственный, политический. Эх, вы...

И это действовало. Мы утихали...